

Марк Георг

2.12.94

Бомба для господина дирижера

Независимая газета - 6.12.1994

ЗРИТЕЛИ, решившие посетить Концертный зал имени Чайковского 24 ноября, так и не смогли послушать музыки Бетховена и Брамса. В зрительном зале была заложена бомба. Во всяком случае, анонимный звонок известили об этом дирекцию зала. Оркестранты и меломаны, проторчав на улице больше двух часов, были распущены по домам. Концерт был перенесен на субботу. Напряжение не могло не сказаться на музыкантах — оркестре имени Чайковского телерадиокомпании «Останкино», австрийском дирижере Георге Марке и пианисте Александре Штаркмане. Первое отделение концерта, который, несмотря на все четверговые перипетии, собрал полный зал, показалось неровным. Четвертый фортепианный концерт Бетховена, произведение, не так часто звучавшее в концертных залах, в отличие от шлягерного Пятого концерта, совсем не удался солисту Штаркману. Его исполнение выглядело слабым технически, не говоря уже об отсутствии мало-мальски приличной интерпретации.

Но с первого же момента удивил профессор Венской консерватории Георг Марк. Мне уже удалось побывать на одном из его концертов с БСО, когда сразу после нового года Марк дирижировал вальсами семьи Штраусов. И тогда ничего, кроме разочарования я не испытал. Вкус изменил дирижеру, и музыка венских вальсов звучала примитивно, как «зажалка» для туристов в городском парке австрийской столицы. На этот раз Марк выглядел куда убедительнее и серьезнее. Музыка Бетховена, все чаще на Западе исполняемая в аутентичной традиции, для меня уже совсем не звучит в исполнении Большого симфонического оркестра. Но Георгу Марку удалось извлечь из музыкантов БСО (что и говорить, давно ставшего нашим самым серьезным оркестром, что бы ни злословили по поводу его главного дирижера) тонкость звучания, изысканное пиано, так что порой это исполнение казалось максимально приближенным к аутентичному. Вместе с дирижером мы совер-

шили путешествие в старую Вену, преодолевая небольшой подъем и оказываясь у двери Паскальтхаузэ, из окна которого Бетховен созерцал буйные аллегро кайзеровской столицы, а затем отправлялись на опушку венского леса, в Нусдорф, где волнующие, точно бетховенские анданте, пейзажи наводили грусть, развеянную в одно мгновенье пенистым престо молодого виноградного хоригера.

Однако концерт Бетховена оказался лишь подготовкой ко второму отделению, где значительно и великолепно прозвучала Вторая симфония Брамса. Публика в зале, как и русские меломаны на протяжении ста лет, всегда предпочитала строгости музыки Брамса пьянящие мелодии его главного соперника Вагнера. Для Георга Марка Брамс остается самым серьезным из немецких романтиков, хотя лишенным «розового» романтического оптимизма. Суровая графичность Второй симфонии тем не менее окутана дымкой пасторальности, которая для композитора была обратной стороной патетики и трагизма. Так из Пятой симфонии Бетховена вырастала Шестая, так из взволнованной Первой симфонии Брамса рождается на свет Вторая.

Итак, концерт Георга Марка и БСО состоялся, к удовольствию публики и музыкантов. Но бомба в четверг все же разорвалась. В другом зале Москвы. В БЗК театр «Новая опера» давал премьеру концертного исполнения оперы Рубинштейна «Демон». Событие просто выдающееся на фоне полного забвения музыки Рубинштейна (к тому же в нынешнем исполнении 100 лет со дня смерти композитора). Отправляясь на этот концерт, я не ждал особых откровений, но результат превзошел ожидания. Это была настоящая бомба! Еще никогда я не слышал, чтобы «Новая опера» выходила на публику с таким сырым и неотрепетированым спектаклем. Игорь Головичин, работающий ныне с оркестром Светланова, даже и не подозревал, что оперное дирижирование отличается от симфонического, а потому громыхал изо всех сил, не обращая внимания на солистов. К

тому же никакой музыкальной или человеческой логикой нельзя было оправдать купоры, которые сделал дирижер в партитуре. Легендарная опера на переработанные тексты поэмы Лермонтова не стала понятнее и ближе слушателям уже потому, что из-за отвратительной дикции солистов ни одно лермонтовское слово так и не долетело дальше шестого ряда партера, в котором, как известно, сидят самые главные ценители. Фаустовское трио — пылький юноша (тенор) и дьявол (бас) пытаются соблазнить юную особу (сопрано) — заиграло бы новыми красками на кавказской ниве в духе средневекового моралиста: демон ценою соблазнения получает прощение грехов. Самая малость философии Берлиоза и лиризма Гуно не повредила бы и дирижеру, и певцам. К сожалению, дьявол раньше времени поменялся способностью к рефлексии с Faustom-Sинодалом, а потому так и остался певцом Федором Можаевым с глухим, бесцветным голосом, погубившим знаменитые соло духа. Порывистость и эмоциональные вслески князя Синодала (Марат Гареев) выглядели, скорее, пародией на остроумного философа — Мефистофеля Берлиоза вкупе с ходульным гуновским тенором-Фаустом. Ну а красавица Тамара (Елена Зеленская) еще до срока превратилась в ангела небесного и погрузилась в глубокий сон Элизиума, забыв и о своей чувственной, как Маргарита, героине, и о зрителях, которым не довелось познакомиться с грузинской княжной. А единственным ориентальным элементом постановки стало присутствие двух басов с армянскими фамилиями, о которых более добавить нечего.

Опасаясь за свои уши и сердце, я ретировался, не дожидаясь, когда осколки этого снаряда попадут и в меня. Впрочем, услышанного было больше чем достаточно, чтобы рана была долгой и незаживающей. Вплоть до субботы, когда на меня целительно действовала Вторая симфония Брамса. Это была бомба для критика?

Вадим ЖУРАВЛЕВ